

Российская академия наук
Институт экономики

П.А. Ореховский

СТРУКТУРЫ КОГНИТИВНОСТИ
И РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ

Москва
Институт экономики
2019

УДК 330.88
ББК 65в

Ореховский П.А. Структуры когнитивности и российские реформы: Научный доклад, препринт. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 47 с.

Аннотация. Структура когнитивности – философская категория, понятие, родственное парадигме и/или эпистеме. Ее введение позволяет охарактеризовать способы восприятия экономической действительности как отдельными экономическими школами, так и сообществом экономистов в целом. Структуры эволюционируют от революции к застою, что фиксируется в изменениях речевых практик (дискурсов). Это противоречит представлениям о кумулятивном росте экономического знания.

Осмысление причин, хода и результатов экономических реформ в категориях когнитивности имеет свои преимущества и недостатки. В работе представлены примеры такого подхода применительно к анализу перехода системы здравоохранения России к страховой медицине, ретроспективы причин и хода распада СССР, современных реформ российских образования и науки. Демонстрируется плюрализм реальности эпохи постмодерна, сочетание символического порядка и фантазии как в отношении проектов реформ (страховая медицина, реформа образования), так и в отношении прошлого (экономическая версия распада советской «нефтяной» империи против политического кризиса в социалистической стране).

Ключевые слова: дискурс, мейнстрим, поле экономической науки, реформы образования и науки, СССР, страховая медицина, структуры когнитивности, теория реформ.

Классификация JEL: B41, B59, I13, I23, P21.

Orekhovsky P.A. Cognitive structures and Russian reforms. Scientific report, preprint. – Moscow: Institute of Economics. RAS, 2019. – 47 p.

Abstract. The structure of the cognitiveness is a philosophical category, a concept related to a paradigm and / or an episteme. Its application allows us to characterize the ways in which economic reality is perceived by both economic schools and the community of economists as a whole. Structures of the cognitiveness change from revolution to stagnation, which is fixed in changes in colloquial practices (discourses). That contradicts the idea of a cumulative growth of economic knowledge.

Understanding the causes, progress and results of economic reforms in the categories of the cognitiveness has its advantages and disadvantages. The paper presents examples of such an approach as applied to the analysis of the transition of the Russian health care system to insurance medicine, retrospectives of the causes and course of the collapse of the USSR, modern reforms in Russian education and science. The pluralism of the postmodern era's realities is demonstrated, a combination of symbolic order and fantasy, both in relation to reform projects (insurance medicine, education reform) and in the past (the economic version of the collapse of the Soviet oil empire against the political crisis in a socialist country).

Keywords: discourse, mainstream, field of economics, education and science reform, USSR, insurance medicine, cognitive structures, theory of reforms.

JEL Classification: B41, B59, I13, I23, P21.

© Ореховский П.А., 2019

© Институт экономики РАН, 2019

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	4
Глава I. Когнитивность и экономический анализ:	
методологические замечания	6
1. Когнитивность коллективных субъектов. Коллективная память и культура	7
2. Циклы когнитивности. Парадигмы и эпистемы. Поколения. Герменевтика	9
3. Речевые практики: перформативность и иллокутивность	13
4. Поле экономической науки. Мейнстримная интерпретация существования мейнстрима. Исследовательские стратегии	14
Глава II. Экономический дискурс российских реформ	20
1. Кейс страховой медицины	24
2. Заметки о советской власти, заводах и реформах Горбачёва	29
3. Кейс науки и образования	34
Вместо заключения: плюрализм реальности и нарциссическая культура	41
Литература	43
Об авторе	47

Вместо введения

Темой данного доклада является краткое (и неизбежно не-точное) описание того, как экономисты замышляют реформы и как потом осмысливают результаты. Структуры когнитивности предопределяют и пределы замысла (фантазии), и слепые пятна (то, что выпадает из поля зрения), и дискурсы (способы обсуждения проектов, хода и результатов реформ). В свою очередь, сами эти структуры эволюционируют, переживают циклы возникновения, развития и упадка, что влияет и на границы дискурсов. В фазе когнитивного застоя происходит «перформативный сдвиг» — всё большая часть работ посвящается апологетике режима частной собственности, свободы, креативности, а заодно критике дирижизма, изоляционизма, эгалитаризма; в то время как другая часть работ посвящается пропаганде сильного государства, социального альтруизма и справедливости, дополняемой критикой хищничества и эгоизма. В какие-то времена первые работы становятся мейнстримом и официозом, а вторые — «гетеродоксными направлениями» и андеграундом, но время от времени они меняются местами, выполняя необходимую и обществу, и экономической науке роль идеологий, на которую в своё время указал Д. Норт¹.

Идеологический кувырок представляет особый интерес, вызывая ощущение дежавю. Так, в России в последние десятилетия вышло большое количество работ, посвящённых критике «реального капитализма» с позиций «капитализма истинного» (это чудесное общественное устройство в своих основных чертах удивительно

---

1. «Однако следует отметить, что идеология играет большую роль в институциональной модели, представленной в нашей книге, и она действительно изменяет поведение людей. Но самым поразительным наблюдением по поводу идеологии в социалистических и утопических обществах является следующее. Как бы сильна идеология ни была вначале как средство решения “проблемы безбилетника”, формирования революционных кадров и иных способов поощрения людей к тому, чтобы изменить свое поведение, она склонна с течением времени терять силу, когда соприкасается с поведенческими источниками индивидуальной максимизации дохода, о чем свидетельствуют недавние события в Восточной Европе» (Норт, 1997: 169).

напоминает старую конструкцию «социализма с человеческим лицом»). Постоянный рефрен ценности человеческого капитала, который неотделим от личности работника, звучащий со всех трибун и кафедр, неявно предполагает построение хорошо знакомого старшему поколению бесклассового общества (все его члены — капиталисты, поэтому оно лишено антагонизмов и социальных конфликтов). Место критиков «буржуазных экономических теорий» заняли новые либеральные замполиты, при этом структура когнитивности, в рамках которой ведётся осмысление экономических процессов, сохранилась почти неизменной. Но за годы, прошедшие со времени распада СССР, в отечественных общественных науках очень сильно поменялись речевые практики. Устойчивость определённых стереотипов воспроизводства теоретических концептов, несмотря на имевший место переворот в идеологии, не может не удивлять.

Как показывает опыт, любые попытки предупредить о том, что автор *не имел в виду*, в среде гуманитариев бесполезны. Критики всё равно найдут в тексте то, что им хочется. Но всё же оговоримся — данная работа представляет собой всего лишь очередную скромную попытку *понять*, как мыслят экономисты (Блауг, 2004), а *не научить кого-либо из коллег, как мыслить правильно* (Хейне, 1997). Легко предвидеть, что последнее предложение кем-нибудь будет понято с точностью до наоборот и вызовет бурю возмущения. Остаётся рассчитывать только на то, что философы поймут и простят, а экономисты — теоретики, как, впрочем, и практики, работ по методологии экономической науки не читают.

Когнитивность и экономический анализ: методологические замечания

Обычный алгоритм экономического исследования предполагает ту или иную характеристику сложившейся ситуации, построение модели (вербальной или формальной), прогноз дальнейшего развития событий и рекомендации по применению различных инструментов, которые могли бы изменить (сохранить, усилить) действующие тенденции. Такой алгоритм основан на том, что У. Сэмюэлс называет «логическим эмпиризмом» и «эпистемологией позитивизма» (Сэмюэлс, 2015: 19). Это естественнонаучное мировоззрение, в которое хорошо ложится марксистский тезис о том, что «общественное бытие определяет сознание». Основной посылкой настоящей работы является прямо противоположное утверждение – сознание определяет бытие. Как указывает Сэмюэлс: «Дать определение реальности – значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует...» (Там же: 24). Другими словами, изменение нашего понимания реальности приводит к изменению самой реальности. Еще одно популярное утверждение, высеченное на памятнике, установленном на могиле К. Маркса, гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его». Данное утверждение означает лишь то, что один философ отказывает в праве на изменение реальности другим философам. Претензия сомнительная, и марксистская реальность просуществовала по историческим меркам недолго – в XXI в. удельный вес промышленного пролетариата в социальной структуре стран с уровнем дохода выше среднемирового составляет уже существенно менее 25% и продолжает сокращаться. Однако это не мешает марксистам продолжать «объяснять мир» так, как они его видят.

1. Когнитивность коллективных субъектов. Коллективная память и культура

Наиболее общим представлением о когнитивности является то, что это свойство (способность) индивида (актера; системы; актанта и т.д.) к восприятию и переработке информации. На индивидуальном уровне такое свойство, по сути, совпадает с понятием интеллекта и не представляет для нас интереса². На уровне общества, по-видимому, когнитивность совпадает с «общественным сознанием», однако само наличие *общества*, как и его рациональности, требует дополнительных обоснований и также выходит за рамки предмета исследования данной работы. Для нас важной является когнитивность коллективных субъектов – сообществ экономистов, политиков, работников медиа, некоторых других. Важно то, как информация воспринимается и перерабатывается таким коллективным субъектом, что считается важным, а что игнорируется. Очевидно, что способность к изменению коллективного мнения (самообучению) во многом предопределяет возможности общественного развития (деградации). Такой коллективный субъект может осуществлять *социальное действие*. Более того, у него есть даже собственная эмоциональность, проявляемая, например, через профессиональный юмор и корпоративную этику. При этом коллективное мнение может быть подвержено и манипуляциям. Возможности как для манипуляции, так и для самообучения, предопределяются *структурами когнитивности*.

Именно о существовании таких субъектов пишет А. Ассман, проводя границы между индивидуальной, социальной и коллективной памятью (Ассман, 2014). Коллективная память является долгосрочной, и со временем трансформируется в *культуру*. Последняя приобретает собственную логику существования и продолжает жить даже после смерти коллективного субъекта. Те или иные символы (книги, картины, памятники), материализованные в объектах культуры, могут быть впоследствии переинтерпретированы. Новая элита, как показывает Ассман, реализует свою, отличающуюся от прежней, *историческую политику*. Смысл, который в таком случае

---

2. Сторонники методологического индивидуализма могут с этим не согласиться, совершенно справедливо полагая, что у них есть полное право на конструирование собственной реальности.

придается материальным артефактам, зачастую оказывается совсем иным, чем при жизни породившего их коллективного субъекта.

В чем и как выражается когнитивность? Явным образом она проявляется в соответствующих речевых практиках (*дискурсах*). Мы судим по текстам экономистов того или иного периода о том, как они понимали окружающую действительность. Кроме того, далее это понимание реализуется в практике хозяйственных субъектов — рутинных бухгалтерского учета, статистики, маркетинга, менеджмента. Часть последних также меняется, причем весьма противоречиво — иногда имеет место *имитационное заимствование*, когда модный и современный «маркетинг» заменяет устаревший советский «сбыт» или когда «биржа» в конце 80-х гг. XX в. в СССР сменила «базар». Однако со временем даже имитационные нормы и рутины могут превратиться в трансформационные, и та же валютная биржа становится настоящей торговой площадкой, использующей современные виды транзакций и контрактов, включаясь в международные сети. Очевидно, что такие трансформации являются следствием в понимании того, как должны быть устроены экономические институты. Однако эти сдвиги в структурах когнитивности бывает непросто выявить, и тем более проследить процесс самообучения и социальных изменений.

Так, например, когда какие-то эмпирические явления слишком выходят за пределы прежней реальности, которая фиксируется доминирующим экономическим дискурсом, исследователи прибегают к использованию таких концептов, как «японское экономическое чудо», «азиатские тигры», «голландская болезнь» и т.д. Чудеса, болезни, тигры и т.д. — метафоры из сферы сверхъестественного. Чтобы включить соответствующие феномены в вербальные модели, экономисты прибегают к магическим артефактам, используя стиль фэнтези не менее мастеровито, чем знаменитый основоположник жанра Дж. Толкиен. Скажем, понять технологию «маркетинга» и объяснить, почему его применение приводит к росту выручки по сравнению со «сбытом», в рамках доминирующих когнитивных структур бывает очень сложно. Напротив, смена таблички на кабинете — гораздо более понятный социальный акт, и это, *несомненно*, должно привести к увеличению объема реализации. Большие ожидания связываются с переименованием министерств и главков в

службы и агентства, перемещением физических тел госслужащих из пространства Москвы в Москву-Сити. Очень важны формы магических заклинаний: так, нельзя называть финансовые документы архаичным табуированным словом «смета», нужно говорить сакральное «бюджет», использовать не совковые КТУ (коэффициенты трудового участия), а правильные и современные западные КРІ. Волшебным образом это обеспечит рост ВВП и производительности, а заодно все финансовые средства будут истрачены строго по назначению.

Менеджеры и финансисты, по нашему мнению, намного превосходят экономистов-теоретиков в частоте и объеме повседневного применения магических артефактов. Но разве, как в свое время риторически вопрошал А. Рубинштейн, это не чудесно (Рубинштейн, 2008: 80–81)? Тем более, что — как мы уже указывали выше — *иногда* за сменой слов имеет место самообучение, происходит сдвиг в когнитивности, и магический артефакт внезапно становится социальным конструктом, привычной рутинной.

2. Циклы когнитивности. Парадигмы и эпистемы. Поколения. Герменевтика

Циклы когнитивности, в рамках которых происходят упомянутые выше метаморфозы соответствующих структур, имеет смысл выделять только применительно к коллективному субъекту. В эволюции сознания и дискурсивных практик последнего можно выделить следующие фазы:

- революционный сдвиг: меняются и основные темы, и риторика;
- совершенствование: оттачиваются риторика, определения, дополняются подходы;
- застой: количественные, инструментальные измерения, обсуждение качества статистических результатов, их обработки.

Циклы когнитивности имеют прямые параллели с работой Т. Куна, где он описывает смену научных парадигм, связанных с научно-техническими революциями (Кун, 2003). Естественно, что революции происходят в сознании коллективных субъектов. Кун пишет о сообществах ученых. Парадигма — система знаний об объ-

екте, причем в силу своей специфики такая система представляется относительно закрытой для других коллективных субъектов. Напротив, структуры когнитивности, о которых идет речь в данной работе, предполагают открытость. На то, как экономисты понимают экономику, влияют политические события, открытия в точных и естественных науках. Свой вклад вносит и культура, в том числе и историческая политика. В этом отношении структуры когнитивности больше напоминают эпистемы М. Фуко, однако последнее понятие относится скорее к характеристике свойств общественного сознания в целом, причем в определенную историческую эпоху большой продолжительности (Фуко, 2010; Фуко, 2015). Таким образом, структуры когнитивности, как и когнитивные циклы, конечно, имеют свои аналоги в философии, однако, по нашему мнению, они обладают и самостоятельным значением.

В чем причина существования когнитивных циклов? Почему не наблюдается постепенного кумулятивного процесса накопления знаний и совершенствования хозяйственных практик, приближения к оптимальным рыночным структурам, скажем, накоплению опыта градуалистской кредитно-денежной политики? По нашему мнению, причина лежит в периодических социально-экономических травмах, остающихся в коллективной памяти, вызывающих тяжелые переживания и, как показал еще К. Мангейм, оказывающих влияние на формирование отдельных социальных групп — поколений (Мангейм, 2000).

Следует оговориться, что поколения часто отождествляют с возрастной когортой, что естественно для демографии. Мангейм говорит не столько о межпоколенческом (отцов и детей), сколько о внутривоколенческом конфликте, когда люди, незнакомые друг с другом, относительно различающиеся и по годам рождения, живущие в разных частях страны, обнаруживают схожие реакции на одни и те же информационные сигналы. Первая мировая война была таким травматическим переживанием, которая сформировала, по сути, два разных поколения немцев внутри одной возрастной когорты — национал-социалистов и социал-демократов.

Травматическое переживание, которое трансформирует и закрепляет ту или иную структуру когнитивности, подробно анализируется в уже упоминавшейся работе А. Ассман. С уходом прежних

поколений травма теряет остроту, и становится возможным относительно спокойное (объективное???) обсуждение событий, лежащих в основе травмы. Новое поколение спокойно относится к тому, в чем участвовали их отцы — так, родившиеся в 60-х гг. XX в. немцы отвечали на вопросы по поводу Холокоста — *«мы ничего не чувствуем»* (Ассман, 2018).

На болезненность смены парадигм указывал еще Т. Кун. Применительно к экономической теории травматическое переживание стабилизирует распределение власти в символическом поле. Такие травмы всегда связаны с переходом к другим речевым практикам и необходимостью вытеснения прежних концептов (например, в работах экономистов сейчас крайне редко встречается концепт «издержек сбыта» по Э. Чемберлину — такие издержки влияют на положение и форму кривой спроса и противоречат вере в «независимость потребительских предпочтений», не говоря уже о марксистских концептах «непосредственно-общественного характера труда» или «личного и вещественного факторов производства». Об этом очень красноречиво свидетельствует А. Кламер: «...Меня интересовало, каково всем тем, кто всю жизнь преподавал марксистскую политическую экономию и проводил исследования, используя в качестве главного источника «Капитал», ведь им пришлось столь внезапно и столь безвозвратно овладеть другим экономическим языком. Как я узнал от коллег, преподававших в те времена в странах Восточного блока, им пришлось выкинуть все свои конспекты лекций и в сжатые сроки освоить неоклассическую экономическую теорию, которой суждено было стать их новой парадигмой. Не могу себе представить, что чувствовал бы я, если бы был вынужден совершить такую трансформацию. А как же моя честность? Как можно отречься от теории, которую я провозглашал истинной? Можно ли мне доверять после этого? Даже если бы я смог преодолеть эти моральные мучения, как мне освоить совершенно новый для меня подход с новыми концепциями, новыми методами и новыми моделями? Как

-
3. Очень показательно, что Ассман обсуждает только Холокост и связанную с этим травму немцев. Уничтожение славянских народов в книге успешно игнорируется, более того, в этом уничтожении виновата, видимо, сталинская диктатура, если судить об этом по мимоходом брошенным Ассман замечаниям по поводу ремифологизации Сталина и ужасов ГУЛАГа. Такова неявная версия исторической политики, излагаемой в работе этой талантливой немецкой исследовательницы, философа и историка. См. также: (Давыдов, 2015).

это повлияло бы на мое чувство правды, мое чувство значимости и мое чувство самоуважения?» (Кламер, 2015: XXIII). Такие травмы дополняются трагедией ухода (иногда – физической смерти) прежних научных авторитетов, разрушением прежних иерархий и полным переструктурированием поля экономической науки.

Дополнительно на эти процессы могут повлиять и другие события, такие как Великая депрессия 1929 – 1933 гг. или финансово-экономический крах 2008 г. Большие кризисы, меняя ощущение реальности, играют роль своеобразного катализатора в смене поколений экономистов-теоретиков – авторитет прежних школ оказывается подорванным. Новые поколения конструируют и выстраивают новую реальность.

Это порождает проблему «забытых теорий», о которых писал Т. Кун применительно к физике. В экономике эта проблема, однако, стоит намного острее. Дело в том, что здесь одновременно с речевыми практиками исчезает сама реальность, в отличие от тех явлений, которыми занимается физика. Примером может служить проблема дефляции тридцатых годов XX в., когда Кейнс писал свою теорию. Поражение кейнсианства в семидесятые, когда имела место стагфляция, для молодых неолибералов было естественным: о какой дефляции *вообще* может идти речь? В постсоветской России в снижение цен не верит ни население, ни экономисты; даже те, которые по долгу службы знакомы с историческими примерами дефляции.

Старый экономический дискурс исчезает вместе с прежней реальностью. Чтобы понять логику действий различных экономических и политических акторов, или, другими словами, охарактеризовать действовавшую в прошлом структуру когнитивности, требуется герменевтический подход. Это, в свою очередь, требует использования своеобразного двойного перевода – понимания того, какая реальность конструировалась прежними языковыми практиками, почему экономисты так описывали и решали стоявшие перед ними проблемы, и последующей интерпретации этих же проблем в современном дискурсе. Возникает сложная задача, требующая применения клиометрических методов с одновременным оживлением забытых концептов и теорий. В противном случае, как это часто имеет место в истории экономических учений, а заодно и в соци-

ально-экономической истории в целом, будет иметь место сравнение концепций экономистов прошлого с современной экономической теорией. Отдавая должное тем элементам старых концепций, которые сохранили свою актуальность, по ходу сравнения делается неизбежный вывод об ошибках и непонимании того, что мы знаем сейчас, готовясь «изменить мир» в правильном направлении.

3. Речевые практики: перформативность и иллокутивность

Теория речевых актов разрабатывалась в свое время Дж. Остином и Дж. Серлем (Остин, 1986, Серль, 1986а, Серль 1986b, Серль, Вандервекен, 1986). Для нашей работы важно то, что в любом речевом акте присутствуют элементы перформативности и иллокутивности. Перформативность непосредственно связана с используемыми концептами экономической теории, на ее основе достигается конвенциальность в отношении речевого акта. Используемый экономистами дискурс должен быть понятен их коллегам, поэтому определенный набор цитат (мемов), визуальных изображений («крест Маршалла», «кейнсианский крест»), формул и показателей (производственные функции, закон Оукена, коэффициент Джини, ВВП) позволяют обсуждать ту или иную проблему, не договариваясь снова и снова о значении используемых терминов и речевых оборотов.

Напротив, иллокутивность — элемент речевого акта, который придает ему ту или иную смысловую нагрузку, призывает к действию, вызывает сомнение, передает информацию и т.д. Более того, иллокутивность может прямо провоцировать разрушение конвенциональности через разрушение прежней устоявшейся перформативности (например: «количественная теория денег неверна», «кривой спроса не существует»).

Естественно, что в каждом высказывании присутствуют элементы как перформативности, так и иллокутивности. Но если гипотеза о существовании когнитивных циклов истинна, то по мере развития когнитивного застоя удельный вес перформативных высказываний, содержащихся в публикациях экономистов, постоянно возрастает.

Широкая панорама развития советской культуры в 1970–1980-е гг. в целом представлена в яркой работе А. Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось» (Юрчак, 2014). В центре этой работы – верификация гипотезы о произошедшем еще в 1960-е гг. перформативном сдвиге. В выступлениях тогдашних партийных и комсомольских лидеров, в подаче информации советскими медиа, в художественных произведениях воспроизводился один и тот же образец риторики, визуальных образов, музыкальных стилей. Это – картина общественного когнитивного застоя, обсуждение которого выходит за рамки данной работы. Однако в отношении политической экономии социализма, тридцать лет обсуждавшей товарно-денежные отношения, общественную собственность, планомерность и распределение по труду, гипотеза перформативного сдвига и когнитивного застоя выглядит вполне правдоподобной.

4. Поле экономической науки. Мейнстримная интерпретация существования мейнстрима. Исследовательские стратегии

Для эпохи модерна в целом характерно представление любой сферы исследований как своеобразной *иерархии*, реализующей принцип научного разделения труда. Теоретики занимаются фундаментальными исследованиями, имеющими значение для данного научного направления в целом. В рамках отдельных дисциплин организуются прикладные исследования, результаты которых позволяют, с одной стороны, уточнить теорию, с другой – получить знание, которое имеет практическую, утилитарную полезность. Наконец, собственно эмпирические наблюдения, проведение экспериментов, сбор данных, осуществляемый инженерами, статистиками, социологами, финансистами и другими аналитиками, в свою очередь, позволяют уточнить дисциплинарные знания, произвести новые образцы продукции, а заодно, возможно, обнаружить феномены, не укладывающиеся в рамки прежних представлений.

Такое разделение труда в отношении гуманитарных наук было подвергнуто критике в последней трети XX в. Наиболее известной альтернативой является концепция поля науки П. Бурдьё, где исследователи не только сотрудничают, но и конкурируют за

внимание коллег и различных референтных групп (медиа, бизнеса, правительства) (Бурдье, 1994; Бурдье, 2018). Победители приобретают символическую власть: право на «производство образцов», которым стараются следовать остальные исследователи. Именно победители в эпоху постмодерна «производят смыслы» и «создают новую реальность».

Применительно к экономической науке такое представление выглядит вполне правдоподобным. «Теоретики» атакуются «прикладниками» с самых разных позиций, о чем свидетельствует, в частности, список лауреатов Нобелевской премии в последнюю четверть века. Работы финансистов (Р. Шиллер, Ю. Фама), психологов (Д. Канеман), экономгеографов (П. Кругман), специалистов в области математической статистики (К. Симс) и других «прикладников» известны экономическому сообществу не менее, чем достижения микро- и макроэкономистов.

Переход от метафоры «иерархии» к метафоре «поля» экономической науки позволяет понять как существование мейнстрима, так и неизбежность чередования когнитивных циклов. Модель Г. Хотеллинга объясняет, почему в условиях городка, растянутого вдоль дороги, магазины и сервисные фирмы размещаются не равномерно по территории городка, чтобы быть в пешеходной доступности, но группируются в центре, в пределах прямой видимости друг от друга. Каждый стремится привлечь как можно больше покупателей и поэтому смещается в центр от края. В результате формируется торгово-сервисное ядро города.

Стоит отметить, что вмешательство городских властей, которое может запретить строить магазины одного профиля ближе друг к другу, чем на расстоянии 500 м, может изменить эту ситуацию. Тем не менее эта распространенная регулятивная норма в последнее время применяется все реже.

Э. Даунс распространил логику Г. Хотеллинга на электоральные предпочтения, введя понятие «медианный избиратель». В конечном итоге та партия, за которую такой избиратель проголосует, получит большинство на выборах. Однако то же самое можно сказать и об исследователях-экономистах.

Каждый ученый, публикующий свою работу, заинтересован в том, чтобы ее прочли как можно больше коллег. Но для этого

в статье или монографии должны рассматриваться те проблемы, которые находятся в центре внимания. Мало того, они должны быть изложены определенным языком, таким, который должен обеспечить внимание и понимание аудитории (хотя даже это — не гарантия публикации, статью Дж. Акерлофа о рынке «лимонов» отвергли три журнала по причине «тривиальности результатов»).

Шансы на привлечение внимания становятся выше, если ученый является членом определенной школы. Как минимум, работу прочтут и оценят его коллеги, следящие за исследованиями и карьерой своего единомышленника. Напротив, претензии одиночки на символическую власть любой экономической школе проще проигнорировать, чем вступать с ним в дискуссию. Поэтому любой ученый, предполагающий добиться успеха на научном поприще, осознанно или неосознанно выстраивает свою исследовательскую стратегию. Для решения задач нужны ресурсы, сами задачи имеют не только собственно научное, но и социальное значение, поэтому любая работа адресована как референтным группам (Ореховский, 2015), так и «медианному читателю». Под последним мы понимаем выпускника вуза, получившего достаточные навыки и компетенции, дающие ему право претендовать на понимание экономических феноменов.

Таким образом, мировоззрение экономического мейнстрима — результат усилий множества ученых и профессоров, занятых преподавательской деятельностью. В соответствии с теоремой Хотеллинга — Даунса они придерживаются сходных научных стратегий и в равной степени пытаются добиться профессионального и социального успеха.

Среди референтных групп, на которые ориентированы экономисты, находятся и политики, люди, обладающие административной властью. В эпоху модерна, когда научная деятельность представлялась в форме иерархического разделения труда, отношения ученых и правительства складывались иначе, нежели в эпоху постмодерна, когда наука рассматривается как поле деятельности, подчиняющееся законам рынка. В прежнем понимании научной деятельности ученые *сами были властью*, реализуя технократическую утопию. В индустриальном обществе ученые, инженеры играли центральную роль. Экономисты не были исключением — и вплоть до второй половины

XX в. само представление о существовании «мейнстрима», предполагающее, что есть какие-то другие «радикальные» или «гетеродоксные» теории, встречалось редко. Речь шла скорее о «правильных» и «неправильных» теориях. В период постмодерна место ученого в диалоге с политиками занимает «эксперт». Принципиальная разница между этими двумя фигурами в том, что если ученый располагает собственным символическим капиталом и, соответственно, властью, то значимость эксперта определяется его медийной известностью и положением политика, который привлекает его для какой-либо работы (Кошовец, 2008). Собственно, эксперт может и не располагать необходимыми навыками экономических исследований — для него важнее доносить определенные идеологические конструкции в публичное пространство и проявлять другие качества, необходимые для того, чтобы удовлетворять запросы заказчика. При некоторых усилиях ученый может изменить свою исследовательскую стратегию, чтобы стать еще и экспертом. Напротив, для многих экспертов стать учеными было бы весьма затруднительно.

Изменение понимания роли ученых другими коллективными акторами зачастую не принимается научным сообществом, которое требует возврата к «золотым временам». Символическая власть и символический капитал дополнялись приятными материальными преимуществами. Как мимоходом характеризует жизнь в сибирском Академгородке 1970-х гг. Р.Н. Евстигнеев: «Вроде бы часть Новосибирска, с теми же порядками, да не совсем. Немного покоробила иерархия жилья. Для академиков — коттеджи в Золотой долине, для остепененных сотрудников и прочих — обычные дома, но неодинаковые, даже по цвету... Та же иерархия — с распределением продуктов: каждой категории продавались свои наборы. Наверное, тогда это было в порядке вещей» (Евстигнеев, 2006: 158).

В свою очередь, и чиновники, и бизнес, ожидающие от продолжения финансирования НИР разнообразных чудес и не получающие их, ныне также испытывают разочарование. Это взаимное недовольство и лежит в основе спорадически возобновляющихся реформ науки и образования, о которых, среди прочего, пойдет речь далее.

Формирование научных школ, между которыми распределяется поле экономической науки, дополняется созданием различ-

ных некоммерческих организаций — обществ, союзов, объединений, ассоциаций. Такие самоуправляемые организации при поддержке государственных органов вырабатывают стандарты преподавания, отбирают рекомендуемые учебники (т.н. гриф УМО — учебно-методического объединения), а также определяют стандарты научных исследований, в том числе, что немаловажно, журналы, в которых нужно публиковаться, и которые, следовательно, имеет смысл читать. Стандарты легитимируются в ритуалах защиты диссертаций и порядке присуждения ученых степеней. С одной стороны, это повышает барьеры входа для «экспертов», научное сообщество охраняет себя от чужаков и шарлатанов. Однако отсутствие дискуссий внутри мейнстрима, соблюдение негласных договоренностей, позволяющих избегать конфликтов между школами, приводит к положению, которое М. Олсон метко назвал «институциональным склерозом» (Олсон, 2013). Когнитивный застой в ситуации, когда большинство экономистов разделяют одни и те же взгляды на сложившуюся реальность, является нормой. При этом нет ничего удивительного в том, что *реальность экономической науки* может вызывать раздражение политиков, а *реальность экономической политики* — раздражение экономистов. Оба коллективных субъекта при этом будут активно критиковать друг друга к радости журналистов. Также не следует удивляться, что эта критика будет проигнорирована — окостеневшие, склеротические структуры когнитивности оставляют очень небольшое пространство для взаимопонимания, а следовательно, и для компромиссов.

В заключение стоит коротко остановиться на исследовательских стратегиях *методологов* экономической науки. Во-первых, это *позитивная* (и позитивистская) стратегия, при которой ученый систематизирует работы тех экономистов, наследие которых оказало влияние на мейнстрим, или тех, что написаны недавно, но уже входят в последний. Демонстрация морфологии и генезиса применяемых разными экономистами методов анализа позволяет лучше понять эволюцию и нынешнее состояние экономической теории. Данное занятие вполне респектабельно, и ученый постепенно сближается с коллегами, занимающимися историей экономических учений, а последняя дисциплина уже непосредственно примыкает к экономической теории. Таким образом, реализация этой стратегии

по мере сил и способностей позволяет методологу самому приобрести символическую власть и занять подобающее место в поле экономической науки.

Во-вторых, это *критическая* (и во многом — негативная) стратегия, при которой методолог пытается занять позицию «реалиста» и дополнить позитивистское описание соотношением рассматриваемых трудов с какими-либо эмпирическими феноменами, выпавшими из внимания мейнстримных экономистов («слепые пятна»). Эта стратегия автоматически маргинализирует самого методолога, по сути, противопоставляющего свою собственную «реальность» тому конструктивистскому опыту, который предъявлен в рассматриваемых исследованиях. Как правило, это не способствует научному успеху начинающих исследователей.

Однако когда эту стратегию начинают использовать ученые, уже обладающие большим символическим капиталом, считающиеся частью мейнстрима, это приводит к оксюморону — возникает «скандальный успех». Такая ситуация встречается нередко в истории экономической науки⁴. При этом, вроде бы, публикация таких работ должна способствовать разрушению институционального склероза и преодолению когнитивного застоя. Но для этого нужна, по Куну, научная революция. Сама же по себе методологическая критика, как правило, даже *не замечается* экономистами (Тамбовцев, 2018).

Данная работа выполнена в рамках позитивистской стратегии, в ходе которой мы надеемся уточнить отдельные аспекты понимания относительно недавних социально-экономических реформ, в том числе и тех, которые — по мнению политиков и правительства — направлены на улучшение условий функционирования экономической науки.

---

4. Например, небольшая работа М. Фридмена, в которой говорилось о неважности правдоподобия посылок модели по сравнению с ее прогностической ценностью, продолжает вызывать у многих исследователей приступы раздражения (Фридмен, 2012). Другой хорошо известный пример: (Макклоски, 2015).

Экономический дискурс российских реформ

По-видимому, работа В.М. Полтеровича, опубликованная более десяти лет назад (Полтерович, 2007), до сих пор остается наиболее проработанной концепцией, которая используется при ретроспективном анализе замысла, исполнения и результатов реформы. Важнейшим свойством этой концепции является экономический дискурс, в рамках которого обсуждаются реформы. Другими словами, целесообразность перехода к новым институтам обсуждается в категориях выгод и издержек, как то:

«Представим себе агента, осуществляющего свою деятельность в рамках института A и рассматривающего вопрос о целесообразности перехода к использованию альтернативного института B . Пусть время t дискретно. Обозначим через δu_t – выигрыш в транзакционных издержках, ожидаемый агентом от использования в периоде t института B вместо A , а ρ – норму дисконта, характеризующую предпочтения агента во времени. Тогда агент предпочтет институциональное изменение, если

$$\sum_0^T (1 + \rho) \cdot \delta u_t > \Theta, \quad (2.1)$$

где T – горизонт планирования, Θ – ожидаемые трансформационные издержки (предполагается, что они оплачиваются в нулевой момент). Как уже отмечалось, в более общей ситуации под δu_t следует понимать прирост полезности в результате перехода, а под Θ – потери в полезности в процессе перехода. Предположим, что в системе используется институт A , но не B , поскольку для рассматриваемых агентов неравенство (2.1) не выполняется. Очевидно, переход от A к B станет желательным для агента, только если произойдет, по крайней мере, одно из трех изменений: 1) увеличатся транзакционные издержки института A ; 2) уменьшатся ожидаемые транзакционные

издержки института В; 3) уменьшатся ожидаемые трансформационные издержки перехода от А к В.

Переход из А в В, скорее всего, произойдет, если для всех участников (2.1) выполняется, и, скорее всего, не произойдет, если выполнено противоположное неравенство. В случаях, когда для разных участников имеют место неравенства противоположного смысла, результат зависит от конкретного механизма их взаимодействия. Довольно часто для осуществления перехода необходимо выполнение (2.1) для критической массы участников» (Там же: 69–70).

Агент, который решает вопрос о переходе к другому институту, обладает всеми достоинствами и недостатками экономического человека. Он рационален, имеет систему приоритетов, обладает необходимой информацией и т.д. Такой подход к анализу отдельных институтов и государства в целом Э. Ясаи характеризует как политический гедонизм, «политический гедонист, соглашающийся вступить в общественный договор, должен так или иначе убедить себя в выгодности этого дела. Дополнительное *удовольствие*, которое он собирается получить от того, что государство организует производство правильного объема порядка и других общественных благ, вместо того чтобы полагаться на мешанину спонтанных соглашений, которая может быть весьма неадекватной, должно перевесить *страдания* от принуждения, которое, по его мнению, он будет испытывать от рук государства» (Ясаи, 2016: 75).

Необходимо отметить, что книга Полтеровича вызвала дальнейший поток новаций в отечественном институциональном анализе. Скажем, для марксистов смена отношений собственности была связана с революциями или, во всяком случае, острой политической борьбой. А, например, для О. Сухарева национализация и приватизация обуславливаются углами наклона кривых предложения государственного и частного сектора — когда государственный сектор более рентабелен, национализируем, когда частный рентабельней, чем государственный, приватизируем (Сухарев, 2015).

Экономический дискурс, в свете которого реформы должны приводить к росту дохода и богатства, стал доминировать уже во второй половине XX в. При этом важные прежние нарративы свободы, справедливости (равенства), братства (пацифизма) не отменяются, они *поглощаются* экономическим дискурсом. Богатые акторы

(в т.ч. страны и люди) более свободны и миролюбивы, они равны перед законом, наконец, они *умнее* (располагают большим человеческим капиталом), чем бедные. Именно в этом стараются убедить читателей Д. Аджемоглу и Д. Робинсон (Аджемоглу, Робинсон, 2016; Асемоглу (Аджемоглу), Робинсон, 2015).

В связи с доминированием экономического дискурса возникают свои слепые пятна: необходимость сохранения богатства легитимирует постоянно возрастающие ограничения свободы, в том числе личной свободы индивида (запреты на курение, употребление разрушающих здоровье возбудителей, досмотр личных вещей, прослушивание, нарушения тайны переписки и т.д.) (Пфаллер, 2018). Легитимируется и насилие по отношению к тем относительно бедным акторам, которые по какой-либо причине представляются богатым *опасными*. Обсуждение проблемы таких слепых пятен выходит за рамки данной работы.

Здесь же представляется необходимым обсудить проблему когнитивности применительно к коллективным акторам, которая хорошо известна как проблема полноты информации (в т.ч. посылка понимания собственных предпочтений) применительно к индивидам. Откуда агенту, «осуществляющему свою деятельность в рамках института А», известно о существовании института В? Ведь до момента осуществления реформы института В в данном социальном пространстве *не существует*.

Очевидно, что институт, на создание которого направлена реформа, может функционировать в другом государстве. Отсюда возникает сюжет, который В. Полтерович рассматривает как трансплантацию институтов. При этом он используют речевые практики мейнстрима, в которых «институт» очень близок к понятию «технология»: институт точно так же представляет собой совокупность как материальных, так и нематериальных элементов, его, как и технологию, можно заимствовать, адаптировать к имеющимся условиям и т.д.

Однако с точки зрения использования этих понятий в экономическом дискурсе между ними есть важный нюанс. Для внедрения новой технологии достаточно того, чтобы ей овладел хотя бы один агент, в пределе — индивид. В отношении института необходимо коллективное понимание и согласие в отношении соблюдения

соответствующей системы норм и правил. То, что понимается как «институциональная ловушка характеризует неэффективность равновесного института по сравнению с другим равновесием, а термин «дисфункция» — неэффективность института по сравнению со стандартом» (Полтерович, 2007: 91), в рамках данной работы интерпретируется как результат сложившихся структур когнитивности коллективных акторов⁵.

Институт — это социальный конструкт, и если сложившийся институт является одновременно реальным и воображаемым (символическим), то институт, который должен появиться в результате реформ, существует в сферах фантазии и воображения⁶. Сфера фантазий включает в себя разные, зачастую внутренне противоречивые пожелания субъектов. Именно здесь формируются завышенные или, напротив, катастрофические ожидания результатов будущих реформ, возникают возможности для различных манипуляций («приватизация — ограбление народа» против «за ваучер — две “Волги”»). При этом, как показывает А. Юрчак, фантазии в отношении «воображаемого Запада» диктовали моду и стереотипы поведения молодых людей в позднем СССР, превращая *несуществующее в реальное* «пространство внеаходимости позднего социализма» (Юрчак, 2014: 311–403).

Таким образом, перефразируя ставшего в наше время непопулярным классика, институты — живое творчество масс. Это не отменяет важности экономического дискурса — забегая вперед, отметим, что данный дискурс является главным полем пересечения и взаимопонимания для коллективных субъектов, живущих в рамках разных символических порядков. Фантазии, что реформы должны привести к общему росту дохода, бедные станут богатыми, больные — здоровыми, а человеческий капитал внезапно увеличится — неперенный атрибут российских реформ. Именно эти фантазии

-
5. Отметим, что различия между «субъектом» и «актором» прежде всего в том, что второй включен в сетевые взаимодействия, его понимание происходящего ограничено контекстом этих взаимодействий. Напротив — субъект активно участвует в трансформации реальности, у него есть долгосрочная память, а также «проект», свое видение будущего.
  6. О выделении сфер реального, воображаемого (символического порядка) и фантазийного см. работы Ж. Лакана (Лакан, 1995) и С. Жижека (Жижек, 2012). Прекрасный пример приложения данного представления структур когнитивности к анализу экономических процессов представлен в работе (Бьерг, 2018).

стоят за внешне нейтральным лозунгом необходимости перехода к более эффективным институтам.

Дальнейшее изложение посвящено трем сюжетам, демонстрирующим влияние когнитивности на ход и результаты реформ. Еще раз оговоримся, что мы не ставим перед собой *цель извлечения уроков с последующей разработкой рекомендаций реформаторам*. Нашей задачей является осмысление и, отчасти, переинтерпретация отдельных событий недавней российской истории, а заодно демонстрация полезности категорий, введенных в первой части доклада, для экономического анализа.

Наиболее простым в этой связи является кейс реформы здравоохранения, предпринятой в начале 1990-х гг. Далее мы сделаем несколько замечаний, связанных с реформами М.С. Горбачёва. Факты истории перестройки 1980-х широко известны, однако представляется важным указать на некоторые аспекты реформ, которые, на наш взгляд, сильно недооценивают. Наконец, наиболее сложным и актуальным сюжетом являются продолжающиеся в России реформы образования и науки. Опять-таки, в этом случае для нас представляется наиболее важной попытка интерпретации структур когнитивности реформаторов. Позиция объекта, в отношении которого осуществляют различные управленческие действия, не очень к этому располагает. Необходимо отметить, что во всех, будь то революционных, будь то реформационных дискурсах, за занавесом из фантазии скрывается логика вивисекции. Научное сообщество, по-видимому, никогда не согласится с ролью подопытного кролика в экспериментах правительства. Возмущение и претензия на сохранение символической власти, обладание которой для ученых означает, что они априори умнее бюрократии, являются вполне естественными. Но экономический дискурс предполагает наличие если не полной, то хотя бы ограниченной рациональности субъекта, осуществляющего реформы. Если результаты реформы нам не нравятся, это еще не значит, что реформаторы действуют иррационально.

1. Кейс страховой медицины

Эволюция системы отечественного здравоохранения подробно проанализирована в работах Т.В. Чубаровой (Чубарова, 2004;

Чубарова, 2008), С.В. Шишкина (Шишкин, 2000), И.Б. Назаровой (Назарова, 2004) и др. Краткая и – оговоримся сразу – неполная история перехода от старой советской модели бюджетного здравоохранения (модели Н.А. Семашко) к страховой медицине может быть охарактеризована следующим образом.

Советское здравоохранение было организовано по принципу единой иерархической корпоративной структуры. На уровне отдельных сел и деревень функционировали фельдшерско-акушерские пункты, на уровне районов – районные больницы, далее было звено городских больниц и поликлиник, наконец, наибольший спектр медицинских услуг предоставлялся областными и краевыми больницами. Разработка новых методов лечения, нового медицинского оборудования и медикаментов осуществлялась специализированными НИИ, входившими в систему Академии медицинских наук СССР, после чего эти методы и лекарства передавались для широкого использования в обычные лечебно-профилактические учреждения (ЛПУ).

Отметим, что такой подход вполне соответствовал общему духу эпохи индустриализации. В условиях дефицита квалифицированных специалистов НИОКР сосредотачивались в отдельных центрах, напрямую связанных с управлением той или иной важной для государства сферой. Разработка новых образцов техники, как и самих технологий, осуществлялась в таких центрах. В обычных больницах, как и в промышленных предприятиях, могли осуществляться только единичные, случайные, связанные с личностями изобретателей, инновации. Главной же задачей большинства таких «производственных единиц» было оказание массовых услуг в соответствии с разработанными регламентами. В конце 1980-х гг. такой подход подвергался постоянным критическим атакам и выглядел устаревшим.

Нельзя сказать, что работа системы советского здравоохранения не была связана с воспроизводством и накоплением человеческого капитала или что она была чужда инновациям. Доктора должны были регулярно повышать квалификацию, проходили комплексные проверки деятельности ЛПУ. Однако материальное вознаграждение медицинских работников было связано в большей степени с возрастом и квалификацией, нежели с непосредственными

результатами (опять-таки, оговоримся, что такое положение было характерно для большинства сфер советской экономики). Такое положение критиковалось с позиций отсутствия стимулов для повышения эффективности. Для подрыва легитимности существующей системы широко использовалась общая перформативная идиома: *«господство уравниловки»*.

Страховая медицина воспринималась медицинским сообществом как система, близкая к бюджетной модели, однако лишенная ее недостатков. С одной стороны, она предполагает учет личного вклада каждого лечащего врача. С другой стороны, в отличие от приватизации ЛПУ и перехода к частной медицинской практике, здесь сохраняется бюджетное финансирование. При этом опять же нельзя сказать, что врачи не понимали институциональной роли страховой фирмы; того, что их коллеги будут проверять качество оказанных медицинских услуг, и что, таким образом, возникнет конфликт интересов внутри медицинского сообщества. В сфере воображения и фантазии компетентные врачи были готовы отстаивать свои методы лечения вплоть до суда. Поэтому переход к страховой медицине в целом был поддержан врачебным сообществом.

Дальнейшее также хорошо известно — в условиях дефицита бюджета быстро обнаружилось, что отказ страховых медицинских фирм оплачивать некачественное лечение приводит просто к расторжению договоров территориальных фондов медицинского обязательного страхования (ТФОМС) и их филиалов (ФФОМС) с этими страховыми фирмами. Последние отреагировали на это в экономической логике, сократив лишнее звено, каковыми оказались врачи, проводившие экспертизу лечения. После чего через некоторое время стало понятно, что и сами страховые медицинские организации (СМО) также являются лишним звеном. В конце 1990-х они также перестали работать с ТФОМС, хотя часть этих СМО жива и ныне. Они диверсифицировались, ставши полноценными страховыми фирмами, которые, среди прочего, предоставляют услуги по добровольному медицинскому страхованию.

В результате полис обязательного медицинского страхования во многом превратился в аналог своеобразной прописки. Пациент, предоставляя его врачу, тем самым дает сведения о том, из какого ТФОМС соответствующее ЛПУ получит возмещение затрат.

О страховом случае как таковом, и самое главное — величине денежного возмещения ущерба, речь здесь не идет. Если лечение является слишком дорогостоящим, то пациент либо попадает в региональную или федеральную квоту и ждет своей очереди, либо ему сообщают, что лечение данного заболевания не входит в программу и он должен рассчитывать на собственные финансовые средства.

Попробуем коротко ответить на важные, по нашему мнению, вопросы.

1. Существует ли в России страховая медицина? Вообще говоря, да. Есть добровольное медицинское страхование, есть выбор между конкурирующими частными и государственными ЛПУ, куда пациент может обратиться за получением медицинской услуги.

2. Есть ли в России рынок медицинских услуг? Да, безусловно. При этом платные услуги оказывают как частные, так и государственные ЛПУ.

3. Реализован ли переход от бюджетной модели здравоохранения к страховой медицине? Нет. Основная сеть ЛПУ, которую постоянно оптимизируют, продолжает оставаться бюджетной. В 2000-х был реализован национальный проект по здравоохранению, укреплению материально-технической базы ЛПУ, потрачены немалые средства, однако это не имело отношения к тому, как функционирует рынок медицинских услуг.

4. Является ли нынешняя реальная модель российского здравоохранения более эффективной, чем реальная советская? Трудно сказать. И наличие затруднений при ответе уже достаточно, чтобы сделать выводы о незаконченности реформы, институциональных ловушках и т.п.

Большая — возможно, существенно более 50% — часть медицинских услуг в настоящее время является платной, причем цены и объемы определяются в *частном, децентрализованном порядке*. Цена определяется в контракте между ЛПУ и потребителем. Наряду с этим сохраняется большой объем бюджетного здравоохранения. Сегмент собственно страховой медицины, связанный с добровольным медицинским страхованием, очень невелик, по-видимому, менее 10%. Однако в обязательном медицинском страховании участвует все российское население и можно утверждать, что в России действует страховая модель.

Здесь и проходит разница между фантазийным и воображаемым. Символическое: фонд обязательного медицинского страхования есть – и страховая медицина тоже есть⁷. Напротив, фантазия о страховой медицине предлагает воображению «западный стандарт», «эталон эффективности института». Отсюда – необходимость продолжения реформ.

Если попытаться перевести фантазии, не требующие полной логической согласованности, в символический порядок, то одна из ключевых проблем для рынка медицинских услуг – определение цены лечения. Простой вопрос – например, сколько стоит операция по удалению аппендикса – может привести к очень разным суммам, отличающимся на порядок. В такой сфере, как военная медицина, двадцать лет назад авторы указывали: «Проведенные исследования показали, что величина затрат на работу в течение суток при штатной загрузке одного госпиталя на 300 коек составляет 68,88 – 140,45 млн руб... На содержание пустующих коек госпиталей требуется только на 60 – 70% меньше средств, чем занятых. В межбоевой период на содержание 300-коечного госпиталя затрачивается 41,3 – 98,3 млн руб. в сутки» (Шевченко, Гуров, 1998: 14).

Перевод бюджетного здравоохранения на страховые начала требует принципиально иных когнитивных навыков от менеджеров, работающих в этой сфере. Разработка нормативов стоимости лечения, привязываемых к медико-экономическим стандартам, – сложная прикладная задача, решение которой требует больших когнитивных навыков и от работников системы Министерства финансов, и от специалистов сферы здравоохранения. Это не внедрение «бюджета, ориентированного на результат» (с этой задачей фантазия Министерства финансов справилась уже к 2010 г.).

Цены, которые складываются на рынке медицинских услуг в частном порядке, отсекают от медицинской помощи большую часть потребителей. Частная медицина является дорогой моделью организации, однако она является относительно простой в

---

7. Напрашивается очевидная параллель с заменой «сбыта» на «маркетинг» с последующим ожиданием чудесного роста эффективности.

своей организации и вполне финансово устойчивой. Требования к когнитивным структурам коллективных акторов здесь наиболее низки.

Напротив, рынок страховых медицинских услуг — весьма сложный социальный конструкт. Как известно, здесь возникает и моральный риск, и проблема измерения качества, и требование соблюдения макроэкономического условия низкой инфляции, и много чего еще. Сложившаяся плюралистическая модель российского здравоохранения оставляет простор и для коррупции (достаточно вспомнить скандалы вокруг закупок томографов), и для многочисленных врачебных ошибок. Тем не менее *она функционирует в реальности*, и большинство жителей в России, включая нерезидентов, получают необходимую врачебную помощь.

2. Заметки о советской власти, заводах и реформах Горбачёва

Геополитическая катастрофа — распад Советского Союза — также анализировался и описывался во многих работах, как российских, так и зарубежных. Среди огромного потока литературы на эту тему выделим две работы — Е. Гайдара (Гайдар, 2012) и С. Коткина (Коткин, 2018). Первая представляет интерес потому, что она характеризует распад СССР именно в экономическом дискурсе, как результат целого ряда ошибок, допущенных советским руководством. Причем ошибочность экономической политики имела кумулятивный характер, накопление проблем началось еще в 1970-е гг. Вторая работа косвенно полемизирует с первой и выдвигает на первый план политические причины.

Естественно, такие крупные события, как распад федеративного государства, война или революция, обуславливаются большим комплексом факторов. И данные заметки не претендуют на какое-то принципиально новое или, тем более, полное объяснение причин и последствий распада СССР. В этом сложном феномене для нас особый интерес представляют те структуры когнитивности, которые формируют объяснения произошедшей катастрофы, а также — и это особенно важно — механизм возникновения «слепых пятен», того, что воспринимается как *самоочевидное и в силу это-*

го несущественное, а потому и несуществующее в символическом порядке⁸.

Работа Е. Гайдара представляет весьма убедительную для современного читателя версию распада СССР. Первые главы – «Величие и падение империй», «Авторитарные режимы: причины нестабильности», «Нефтяное проклятие» вводят рамки обсуждения: для читателя должно стать очевидным, что СССР был империей, авторитарным режимом, нефтяным государством. При этом Гайдар не обсуждает вопрос, а был ли СССР *социалистической* страной. Ведь если да, то предлагаемые рамки обсуждения конструируют параллельную историческую реальность.

Так, все теоретики либерализма, от Л. фон Мизеса до М. Фридмена указывали на невозможность рациональных экономических расчетов при социализме. Вряд ли Е. Гайдар стал бы спорить с ними. Но тогда существование социалистического государства изначально было экономически иррационально и его гибель после 70 лет функционирования не могла произойти по *экономическим* причинам. Как ни странно, логику Гайдара скорее можно отнести к современным США – империя, удивительно быстро наращивающая добычу и экспорт нефти и газа, цены на которые периодически начинают снижаться, авторитарный режим, возглавляемый Д. Трампом... Распадется ли?

Напротив, С. Коткин указывает: «Величественный крах Второго мира перед лицом более мощного Первого, имевшего в своем распоряжении и рынок, и либеральные институты, был спровоцирован не гонкой вооружений, а коммунистической идеологией. И КГБ, и (менее внятно) ЦРУ сообщали в своих секретных сводках, что с 1970-х годов Советский Союз находится в состоянии глубокого кризиса. Однако хотя советский социализм явно проиграл со-

---

8. Как показывают Бодрийар (Бодрийар, 2009), Хайдеггер (Хайдеггер, 1997) и многие другие философы, связанные с экзистенциализмом, объект обнаруживает себя в опыте актора только в случае своего разрушения, смерти. Мы не замечаем дверную ручку, пока она выполняет свою функцию. Если ее нет или в ней сломался замок, обнаруживается ее существование, «экзистенция». Мы говорим: «Здесь *должна быть ручка*». Однако в случае воображаемого, символического ситуация намного сложнее. От разрушенной социальной системы остается культурное наследие, часть институтов и т.д. Вопрос, чем *был* СССР и чем он *должен был быть*, переходит в сферу не только символического порядка, но и фантазии. Но наличие слепых пятен в воображении фантазирующего субъекта, как мы пытались показать на примере страховой медицины, правило, а не исключение. Естественно, что они возникают в фантазиях не только о будущем, но и о прошлом.

перничество с Западом, он обладал некоей летаргической стабильностью и мог бы продолжать по инерции существовать довольно долго. Или же он мог бы прибегнуть к оборонительной стратегии в духе *Realpolitik*. Для этого нужно было ограничить свои великодержавные амбиции, узаконить рыночную экономику и таким образом восстановить свою экономическую мощь и сохранить при этом с помощью политических репрессий авторитет центральной власти. Вместо этого Советский Союз пустился в романтические искания, пытаясь осуществить мечту о “социализме с человеческим лицом” (Коткин, 2018: 12).

Коткин объясняет распад СССР во многом с позиций когнитивности: «Может показаться странным, что он (Горбачёв) при этом не понял очевидного факта: усиливая государственные органы власти (Верховные советы Союза и республик) за счет партийных, он тем самым менял унитарную структуру государства на федеративную» (Там же: 82). Упразднение роли КПСС автоматически упразднило и СССР: «Самый пикантный момент в написанных годы спустя мемуарах Горбачёва касается политических реформ 1988 – 1989 годов: он пишет, что «не был готов» тогда «выдвинуть по-настоящему глубокую программу, включающую преобразование унитарного государства в действительно федеративное». Но, саботировав работу Секретариата ЦК, он невольно получил именно то, об отсутствии чего потом сожалел! Как писал в 1991 году один из его главных военных советников маршал С.Ф. Ахромеев, «в соответствии с Конституцией СССР высшие республиканские органы власти соответствующим союзным органам не подчинены. Они связывались воедино только партийным влиянием и партийной дисциплиной... Понимало ли все это Политбюро во главе с М.С. Горбачёвым? Должно было понимать».

Даже если бы Горбачёв не покушался на Секретариат, ему пришлось бы бросить все силы для подчинения центру союзных республик, которые имели собственные государственные границы и институты управления» (Там же: 86).

Можно согласиться с Коткиным в том, что борьба Горбачёва с КПСС в результате привела к устранению СССР и подъёму национальных движений: «Истинный смысл произошедшего в 1991-м заключался в том, что “триумф демократии” привел к пере-

ходу власти в руки российского руководства, к которому на разных уровнях присоединились многочисленные патриоты и оппортунисты из общесоюзной элиты. Тот же процесс параллельно происходил в Казахстане, на Украине и в других национальных республиках» (Там же: 113). Однако, если принять эту логику, остается вопрос, почему по той же схеме, что и СССР, не распалась РСФСР. Что остановило процесс распада? Что сейчас удерживает национальные республики в составе России?

Кроме того, можно сказать, ликвидация КПСС означала, что СССР перестал быть социалистическим. Однако был ли СССР *советским*? Какова была структура власти в СССР?

Если абстрагироваться от силовых структур (включая суды), то в СССР было четыре вертикали власти – партийная, хозяйственная, советская и контрольная. Однако если после революции 1917 г. Советы были полем реальной политической борьбы, а заодно принимали и важные решения, которые влияли на организацию хозяйственной жизни на местах, то в позднем СССР эти органы имели на удивление мало властных полномочий. Большая часть жилого фонда находилась на балансах градообразующих предприятий, им же принадлежал т.н. «соцкультбыт»: детсады и поликлиники, стадионы и Дома культуры, магазины (отделы рабочего снабжения) и столовые... В этом отношении заводы мало чем отличались от колхозов.

Конечно, партийная вертикаль занимала доминирующее положение. Однако партийные органы также несли ответственность за выполнение планов заводами, и время от времени между «партийцами» и «хозяйственниками» разворачивалась нешуточная борьба, в которую вовлекались и органы народного контроля. Советы же играли в лучшем случае координирующую роль. Тем не менее какой-либо анализ хода этой борьбы как в отдельных регионах и республиках, так и в СССР в целом в официальной истории красноречиво отсутствует.

Поскольку гигантские советские заводы были своеобразными государствами в государстве, постольку их функционирование, как и предвидел Л. Мизес, не было основано на экономическом расчете. Даже после реформ 1965 г. расчеты издержек и прибыли носили крайне условный характер. И мероприятия экономической политики Горбачёва никак не повлияли на характер деятельности

этих хозяйственных единиц. А без этого ни о каком переходе к рынку не могло быть и речи. Как можно назначать цену на товар, если издержки его производства неизвестны? Как и в случае со страховой медициной, рыночные реформы Горбачёва были чистой фантазией о рынке.

Одна из глав книги Коткина называется весьма красноречиво: «Выживание и каннибализм в индустриальном поясе». Она посвящена описанию процесса деиндустриализации, который, как указывает Коткин, имел место в 70-х гг. и в США, и в Англии, и в других промышленно развитых странах. При этом автор делает следующее важное замечание: «Многочисленные аналитики возлагали вину на догматические, как им казалось, монетаристские реформы, осмеянные как «тэтчеризм» или «рыночный большевизм». Но эти критики не могли *показать, как именно* Россия претерпела безжалостные неолиберальные реформы. Дело в том, что таких реформ никогда не было и не могло быть. То же самое можно сказать и о благих «альтернативах» этим реформам. Противники российского риторического неолиберализма не были в состоянии определить, *кто же именно* должен был воплотить в жизнь рекомендуемые ими «постепенные» реформы. Уж не миллионы ли чиновников, предавших советское государство и занятых самообогащением?» (Там же: 122).

Понимание периода 90-х гг. как экономической катастрофы, связанной с исчерпанием возможностей развития старой индустрии наряду с отрицанием *самого факта либеральных реформ* выглядит довольно неожиданно. Естественно, что такое понимание несовместимо с версией истории, где Е. Гайдар, А. Чубайс и команда младореформаторов «спасала /губила Россию».

С реконструкцией С. Коткина можно не соглашаться, однако удивительной выглядит другая историческая параллель. К концу 90-х, когда Россия выглядела расколотой страной, перед которой маячила угроза распада, в стране *вдруг сформировалось «путинское большинство»*, и начался экономический рост. Вот *эта ситуация* и вправду напоминает тэтчеризм: «...Тэтчер действительно никогда не располагала количественным большинством избирателей, и ее политика постоянно критиковалась значительной частью населения, она привлекала на свою сторону солидный спектр социальных агентов, от банкиров и интеллектуалов до мелких работодателей и высоко-

квалифицированных рабочих, которые образовали исторический блок в смысле Грамши. Интуитивно тэтчеризм понимал, что социальные интересы часто противоречивы, что идеологии не обязаны быть последовательными, что идентичности редко бывают стабильными, а потому работал и с тем, и с другим, и с третьим, чтобы сформировать новых субъектов – представителей народа, воплощающих его гегемонию. У этой гегемонии, как постулировал Грамши, обязательно должно быть определенное экономическое ядро: финансовое дерегулирование и приватизация социальных служб в пользу Сити, понижение налогов для среднего класса, рост заработной платы для высококвалифицированных рабочих, продажа муниципальных квартир массам в целом. Но все это вместе покрывалось грамшианской “пассивной революцией” в варианте Тэтчер: на уровне идеологии была обещана модернизация, давно уже назревшая в стране, которая так и не прошла второй раунд капиталистической трансформации, ожививший ситуацию в послевоенных Германии и Японии. Ключом к ее успеху был парадокс “регрессивной модернизации”» (Андерсон, 2018: 133–134).

Регрессивная модернизация – это как раз то, что, по нашему мнению, происходит с Россией в XXI в. Строительство новых малолюдных заводов и подъем традиционных религий. Укрепление армии и флота. Монетизация социальных льгот. Сохранение плоской шкалы подоходного налога. Быстрый рост банков и финансового сектора в целом. Проведение жесткой монетарной политики, направленной на подавление инфляции. Развитие ипотеки. Поддержка и укрепление института семьи, введение «материнского капитала». По нашему мнению, путинизм очень напоминает тэтчеризм. Вряд ли с этим согласятся как сторонники В. Путина, так и его противники, не говоря уже о поклонниках М. Тэтчер. Да и модернизация в воображении экономистов-теоретиков может быть только «прогрессивной».

3. Кейс науки и образования

Характеристике реформ образования и науки (под последней прежде всего понимается реформирование системы РАН) также посвящены сотни работ. Степень изученности проблемы здесь не меньше, чем в кейсе страховой медицины.

Говоря про реформу образования, следует различать два сильно связанных между собой, но все же отдельных сюжета. Первый — реформа средней школы. Здесь новации связаны с введением ЕГЭ, распространением практики тестирования, переходом от общего универсального образования в старших классах к углубленному изучению отдельных предметов. Список последних определяется приоритетами учащихся в выборе профиля будущего высшего образования. В проектах реформы среднего образования было также введение образовательных ваучеров, дифференцированных в соответствии с успеваемостью школьников. Предполагалось, что вузы, привлекающие лучших учеников с ваучерами, обеспеченными максимальным финансированием, получат и дополнительные доходы. Реализация этой идеи отложена, хотя нельзя сказать, что от нее полностью отказались (другой вариант тех же ваучеров — образовательные кредиты).

В основе реформы высшей школы лежала идея перехода к Болонской системе. Две ступени высшего образования — бакалавры и магистры, заимствование отдельных элементов документооборота, переход от «знаний» к «компетенциям» и многое другое должно было включить российские вузы в мировой рынок образовательных услуг, а заодно позволить российским студентам, которые имеют такое желание и финансовые возможности, продолжить образование за рубежом.

В какой-то мере реформа образования в России представляет собой относительно успешный пример трансплантации институтов. Российские школьники и студенты действительно увеличили горизонтальную мобильность, российские вузы присутствуют в международных рейтингах. Судя по отчетности, у профессоров из года в год растет зарплата. Министерство образования регулярно отчитывается о достигнутых успехах. Но критика реформы, и даже призывы вернуться обратно к советской системе образования, не стихают.

В основном, конечно, критика направлена на *качество* образования. Однако ответственные работники как министерства, так и вузов справедливо указывают на позитивные результаты периодически проводимых контрольных проверок. Большая часть студентов и школьников справляется с заданиями. В результате возникают две реальности — в одной ученики *знают* ответы на вопросы. При нали-

чий Интернета и хороших навыков управления гаджетами это совсем несложно. В другой – молодые люди *не понимают* того, что им говорят. Но понимание – это совсем другой процесс, он не связан с реформой образования.

Рамки дискурса реформы образования позволяют обсуждать финансирование, горизонтальную мобильность, структуру рынка образовательных услуг и т.д. Однако *воспитание* молодых людей выпадает из этого дискурса. Поэтому наряду с официальным ЕГЭ в школах уже сложился андеграундный АУЕ (арестантское уголовное единство), где действует своя система тестов. Воспитание связано с идеологией, которой, в соответствии с официальным дискурсом, не место в вузах и школах. Функция социального контроля, которую выполняют образовательные заведения, не может быть описана в рамках речевых практик либеральных замполитов. Молодой человек, инвестирующий средства в свой будущий человеческий капитал, обладает несомненной буржуазной добродетелью и не может быть заподозрен в асоциальном поведении. Мошенники и плагиаторы, эксплуатирующие чужой труд за деньги или под угрозой насилия, должны быть исключены из школ и вузов, где царит дух Просвещения.

Другая часть критики связана с положением преподавателя, который теперь должен быть *ученым*, в подтверждение чего необходимо выполнять ряд формальных показателей по участию в конференциях, публикациях, индексу цитирования. Эта критика в большой степени связана уже и с ситуацией реформы РАН, о которой – ниже. Здесь же необходимо отметить следующее.

Поскольку вуз в нынешнее пореформенное время рассматривается как организация, оказывающая образовательные услуги, на него также распространяется коммерческая логика, предполагающая максимизацию прибыли и минимизацию издержек. Отчисление неуспевающих студентов приводит к падению дохода. В этой логике финансовые потери связываются прежде всего с плохой работой преподавателей. Естественно, это требует усиления контроля за ходом учебного процесса⁹. Отчетность, которую должны заполнять

---

9. Во всех российских вузах проводится опрос «Преподаватель глазами студента» и другие аналогичные опросы, связанные с удовлетворенностью качеством преподавания. Легко заметить, что темы «Студенты глазами преподавателя» или, тем более, «Ректорат глазами преподавателя», не являются актуальными.

преподаватели, возрастает, наряду с этим они должны обеспечивать студентов методическими и учебными пособиями и т.д.

С другой стороны, поскольку в задачи преподавателей теперь не входит воспитание, основной функцией становится трансляция знаний. Но именно эта функция может быть легко рутинизирована, а в современных условиях — автоматизирована. Замена преподавателей теми или иными онлайн-курсами — реальная угроза положению этой социальной группы. Ни о какой академической свободе *внутри* университетов нет и речи. Зато профессорам не возбраняется любая критика реформаторов, правительства, Москвы, Вашингтона и любых других коллективных акторов, присутствующих в их социальном воображении.

Заявленная цель реформы РАН — увеличение производства *знания*, повышение эффективности научных исследований. Экономический дискурс предполагает, что эффективность можно повышать либо со стороны результатов, либо со стороны затрат, либо с обеих сторон вместе. Затраты считаются относительно легко и проверяются с помощью аудиторских проверок. «Излишние», по мнению чиновников, активы — здания, земля — изымаются, заодно реорганизуются и объединяются НИИ. Это позволяет снизить затраты, повысить эффективность. Но как быть с результатами?

Идея измерять результаты с помощью количества патентов и публикаций в журналах не нова (отметим, что большинство патентов никогда не используется, как и многие статьи никогда не читаются). Как указывает Г. Орлова: «Постановление ЦК КПСС и СМ СССР “О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники”, принятое 24 сентября 1968 г., стимулировало упражнения в прикладной наукометрии и стало одним из симптомов угасания оттепельного импульса в советской науке. Если в середине 1950-х создание материально-технической базы коммунизма определялось в терминах научно-технического прогресса, а доказательство советского первенства было делом риторики, то в конце 1960-х науке и технике навязали экономическую размерность вместе с сопутствующими схемами хозяйствования, управления и оценки эффективности, а приоритеты теперь было необходимо оформлять в соответствии с международными

правилами — через патенты. Пункт 16 Постановления предписывал оценивать результативность научных подразделений раз в три года на основе перспективности предложений, экономического эффекта разработок, новизны методов, количества проданных за рубеж лицензий и т.д. Распределение публикаций по рангам издательств (без детализации) замыкало список показателей. Предполагалось, что эффективные НИИ и отдельных сотрудников будут стимулировать — увеличат им фонды и повысят зарплату до 130–140%, а неэффективным — урежут и понизят, а то и расформируют или сократят. Расчет был сделан на перманентную мобилизацию научно-технических кадров и ослабление академических иерархий: эффективным м.н.с. и инженерам без степени обещали зарплаты, сопоставимые с доходами остепененных сотрудников или даже превышающие их, а докторов и кандидатов призывали не снижать темпов выработки интеллектуального продукта...

...Неолиберальная наукометрия¹⁰, насаждаемая командно-менеджерскими методами в России 2010-х, обнаруживает двойное стратегическое сходство с позднесоветскими экспериментальными системами стимулирующего контроля за деятельностью ученых и инженеров. С одной стороны, она отвечает на фантазматическое желание власти, озабоченной производством видимости достижений отечественной науки и техники в системе координат, признанной международным сообществом. Только вместо патентов и лицензий сегодня гонятся за квартирами. С другой стороны, она позволяет мобилизовать технократических индивидов и обеспечить систематический надзор за ними в момент, когда интервенции власти в сферу науки и образования усилились и участились» (Орлова, 2019: 37–39).

Как уже говорилось, такая реакция сообщества ученых на попытки измерения и последующего управления со стороны бюрократов является вполне естественной. Однако почему у власти возникает указанное «фантазматическое желание»? В конце концов, если какие-то исследования представляются ненужным расточительством, можно же их не финансировать или вообще ликвидировать тот или иной НИИ. Откуда берется «стимулирующий кон-

---

10. По-видимому, в России прилагательное «неолиберальный» уже стало политкорректным синонимом к прилагательному «поганый».

троль», который воспринимается учеными как особо утонченное издевательство?

По нашему мнению, применение наукометрии и различных КРІ является симптомом общественного когнитивного застоя, а не какой-то специфической, внезапно проснувшейся злонамеренности власти¹¹. В конце концов все эти показатели, особенно на уровне отдельных университетов и НИИ, разрабатываются самими же российскими учеными, а за рубежом им придается меньшее значение: «По экстраординарной заботе о квартирах нашего человека можно отличить от не нашего, а российскую академию — от зарубежных» (Орлова, 2019: 37).

«Экстраординарная забота» возникает не на пустом месте — РАН почти полностью зависит от государственного финансирования (фонды, осуществляющие грантовую поддержку, также распределяют государственные деньги). Напротив, зарубежные организации имеют множество каналов финансирования, и существенную роль в их поддержке играет крупный частный бизнес. Другими словами, за рубежом бизнесмены *доверяют* своим ученым и финансируют их исследования. В России — нет.

В условиях дефицита доверия координирующие функции приходится выполнять государству, об этом писал еще Ф. Фукуяма (Фукуяма, 2008). Но что может легитимировать претензии ученых на финансирование? В силу специфики бюрократии чиновник не имеет права на собственную оценку результатов исследований, это прерогатива других ученых. Отсюда и применение наукометрии. Естественно, что «игрой в цифры» (Игра..., 2011) ученое сообщество недовольно, однако другая процедура была бы объявлена тем же сообществом «тоталитарным произволом» (заметим, что по отношению к бизнесу подобных претензий возникнуть не может).

В рамках когнитивного застоя доминирует речевая практика «экономического» — это единственный дискурс, который раз-

---

11. Альтернативную версию предлагает, например, Г. Павловский: «Власть чувствует себя о-о-очень мудрой, бесконечно учнее всех, кто ей что-то советует. Старый-престарый Ясин, бывший министром, еще когда о Суркове не знали в Кремле, — для нас чудак-несмышлениш. У такой власти в принципе нет партнера, нет достойного собеседника (странным исключением был Гайдар — теневой гуру любой команды в Кремле). Власть иногда навещает Общественную палату, как приют для даунов — бедняжки, какое горе! С вами здесь хорошо обращаются? Но не советоваться же нам с идиотом!» (Павловский, 2012: 9).

деляют коллективные акторы. «Поиск истины», «новые модели» и способы обсуждения воспринимаются в большинстве случаев как социальная демагогия. Но именно «экономический способ мышления» и обсуждение научной деятельности ведут к нарастанию общего абсурда. Как пишет Р. Пфаллер: «Рассмотрим также науку. Здесь мы встречаем ученых, которые вместо того, чтобы проводить исследования, заняты написанием отчетов о прошлых исследованиях или заявок на проведение будущих. А университеты вместо того, чтобы учить, тратят все больше усилий на то, чтобы повышать свои рейтинги, заниматься пиаром, постоянно реформировать свои структуры, создавать новые правила и комиссии. Одновременно в условиях мнимой “экономии” университетов, как мы наблюдаем, “возникает новая политическая фракция функционеров, которая использует это новое стремление к экономии в своих карьерных целях”. Огромное паразитирующее скопление научных и образовательных агентств, с эйфорией занимающихся реформаторством, окружает учреждения науки и образования, забирает у них деньги и заботится о том, чтобы они не создали ничего нового.

Здесь, как сказал бы Батай, и производятся огромные траты. Но подобно тому, как существуют общества, которые знают, что они занимаются магией, и такие, которые этого не знают (наше общество, постоянно составляющее рейтинги, уже определяется культурологами как “аудиторское общество”, а эти действия — как форма современной магии), существуют и общества, которые знают, что они расточительны, и такие, которые этого не знают и знать не хотят. Но необходимо, однако, признать, что, даже не зная об этом, они смогли создать эффективные механизмы расточительства; механизмы, которые способны поглощать ресурсы в больших масштабах. Но поскольку они этого не знают, у этих обществ отсутствует чарующий блеск расточительства и им не знакомо чувство щедрости» (Пфаллер, 2018: 278 – 279).

На наш взгляд, какого-либо выхода из этой скупой бухгалтерской реальности не существует. Если, конечно, не считать стремительно разрастающиеся субкультуры типа мажоров и АУЕ будущей достойной сменой отечественным образованию и науке.

Вместо заключения: плюрализм реальности и нарциссическая культура

В эпоху постмодерна и разрушения прежних больших социальных групп (классов) начинает проявлять себя плюрализм реальности. Меньшинства, располагающие различными ресурсами, пытаются навязать другим свое видение прошлого, настоящего и будущего. За альтернативными вариантами реформ часто скрываются различные сюжеты погони за рентой, однако отождествлять социальное прожектерство с марксистской концепцией реализации «классовых интересов» было бы вульгарно и неверно.

Концепция В. Полтеровича, в рамках которой агенты сравнивают свои выгоды и издержки от действующих и проектируемых институтов, делает шаг вперед от марковского социального антагонизма. Другим ее преимуществом является предложение речевой практики, в рамках которой можно проектировать реформы и добиваться компромиссов между заинтересованными субъектами. В свою очередь, недостатки концепции являются продолжением ее достоинств: она предполагает достаточно высокий уровень рациональности субъектов, которые должны понимать свои собственные предпочтения, предпочтения своих партнеров и исторический контекст трансплантации институтов.

Специфика подхода к анализу реформ с использованием категорий когнитивности предполагает наличие разных типов рациональности, позволяет обнаруживать и описывать манипуляции по созданию вариантов реальности, в том числе и в случаях самообмана или непонимания коллективными субъектами своих интересов. Недостатком этого подхода (впрочем, присущим структурализму в целом) является его сомнительная ценность в проектировании будущего. Измерение эффективности нового института, который как реальность предьявляет фантазия прожектера, занятие, имеющее такую сомнительную ценность.

Другая проблема когнитивности, которая становится все более очевидной в связи с наличием плюрализма реальности, ста-

новление *нарциссической культуры*. Она уже проявляется во множестве социальных практик — от селфи и массового увлечения различными блогами до описанных М. Соколовым и К. Титаевым вариантов «туземной науки» (Соколов, Титаев, 2013). Печально и то, что противопоставляемая туземной «провинциальная наука» также несет в себе очевидные элементы самолюбования.

Наукометрия, индекс цитирования, научная графомания и т.п., по нашему мнению, лишь одно из проявлений общей нарциссической культуры, постепенно охватывающей все сферы социальной жизни, но описание этого феномена явно выходит за рамки методологии экономической науки.

Литература

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Андерсон П. (2018). Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Асемоглу (Аджемоглу) Д. Робинсон Д. (2015). Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: ИД ВШЭ.
- Ассман А. (2014). Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение.
- Ассман А. (2018). Общество, которое игнорирует насилие прошлого, совершает новое насилие. Путь доступа: <http://www.psychologies.ru/self-knowledge/behavior/obschestvo-kotoroe-ignoriruet-nasilie-proshlogo-sovershaet-novoe-nasilie/>. Дата обращения 20.01.2019.
- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: Вопросы экономики.
- Бодрийар Ж. (2009). Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, Издательство «КДУ».
- Бурдьё П. (1994). Социальное пространство и символическая власть; Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos.
- Бурдьё П. (2018). Homo academicus. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Бьерг У. (2018). Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Гайдар Е. (2012). Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Астрель: CORPUS, 2012.
- Давыдов И.П. (2015). Архетип коллективной памяти (Рецензия на книгу: Алейда Ассман. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, т. 2, № 2, 2015. С. 377–387.

- Евстигнеев Р.Н.* (2006). Безмолвное знание. (Воспоминания экономиста). М.: «НП Журнал Вопросы экономики».
- Жижек С.* (2012). Чума фантазий. Харьков: Гуманитарный Центр.
- Игра в цифрь, или Как теперь оценивают труд ученого (сборник статей о библиометрике)* (2011). М.: МЦНМО.
- Кламер А.* (2015). Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Международные отношения, Факультет свободных наук и искусств СПбГУ.
- Коткин С.* (2018). Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970 – 2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Кошовец О.Б.* (2008). Эксперт и воспроизводство научного знания. // Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях: Ананьин О.И. и др.; отв. ред. О.И. Ананьин. – Сер. Экономическая теория и стратегия развития / Российская акад. наук, Ин-т экономики. М.: Наука. С. 210–249.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Лакан Ж.* (1995). Функция и поле речи в психоанализе. М.: Гнозис.
- Макклоски Д.* (2015). Риторика экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во Международные отношения.
- Мангейм К.* (2000). Проблема поколений // Мангейм, К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. / ИНИОН РАН. М., 2000. С. 8–63.
- Назарова И.Б.* (2004). Взаимоотношения «врач-пациент»: правовые и социальные аспекты // Социологические исследования. № 7, 2004. С.142–147.
- Норт Д.* (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала».
- Олсон М.* (2013). Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство.
- Ореховский П.А.* (2015). Структура поля экономического знания: возможности и пределы общественных дискуссий // Общественные науки и современность 1, 2015. С. 5–23.
- Орлова Г.А.* (2019). Реплика на форуме «Прикладная наукометрия» // Антропологический форум. № 40. С. 36–39.

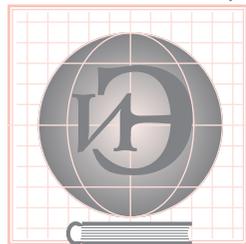
- Остин Д. (1986). Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. С. 22–130.
- Павловский Г. (2012). Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М.: Европа.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Пфаллер Р. (2018). Ради чего стоит жить. Начала материалистической философии. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Рубинштейн А. (2008). Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. №11, 2008. С. 62–81.
- Серль Д. (1986а). Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. С. 151 – 169.
- Серль Д. (1986б). Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М. С. 170–194.
- Серль Д., Вандервекен Д. (1986). Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М. С. 242–265.
- Соколов М., Титаев К. (2013). Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум, 19. С. 239–275.
- Сухарев О.С. (2015). Институциональная теория приватизации – национализации активов // Журнал институциональных исследований. №1, Т. 7. 2015. С. 59–78.
- Сэмюелс У. (2015). «Истина и «дискурс» в социальном конструировании реальности // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке /редкол.: В.С. Автономов (гл.ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 13–30.
- Тамбовцев В.А. (2018). Какая экономическая методология может быть интересна экономистам? // Экономическая теория: триумф или кризис? Под ред. А.П. Заостровцева. СПб.: АНО МЦ-СЭИ «Леонтьевский центр», 2018. С. 104–116.
- Фридмен М. (2012). Методология позитивной экономической науки // Философия экономики. Антология /Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. С. 177–216.
- Фуко М. (2010). История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010.

- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Фукуяма Ф. (2008). Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: АСТ МОСКВА.
- Хайдеггер М. (1997). Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Хейне П. (1997). Экономический образ мышления. М.: Новости «Catalлаху».
- Чубарова Т.В. (2004). Перспективы реформы здравоохранения в России: необходимость новых подходов // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 75–86.
- Чубарова Т.В. (2008). Обеспечение населения медицинскими услугами: экономические проблемы // Проблемы прогнозирования. № 6. С. 98–111.
- Шевченко Ю.А., Гуров А.И. (1998). Экономика медицинского обеспечения. СПб.: Наука, 1998.
- Шишкин С.В. (2000). Реформа финансирования российского здравоохранения. Том. 25Р. Сер. Научные труды. М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара».
- Юрчак А. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение.
- Ясаи Э. (2016). Государство. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум.

Об авторе

Петр Александрович Ореховский — доктор экономических наук, профессор. Заведующий сектором философии и методологии экономической науки Института экономики РАН, главный научный сотрудник, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

П.А. Ореховский

Структуры когнитивности и российские реформы

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка *Борицёва И.В.*

Подписано в печать 13.05.2019. Заказ № 15

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН